

ТЯРОВАТЧЕСКА
МЫСЛЬ

ЗЕНИН
Никифор Дмитриевич

Во время оно и сто лет спустя

Выпуск 1

Из интервью В.В.Боченкова сайту "Самарское староверие"

– Грустный вопрос, который сама себе задаю уже не один год. Ну почему сегодняшние старообрядцы так равнодушны к своей собственной истории? Почему многих она раздражает, многим кажется неинтересной, и почти поголовно – абсолютнейшее равнодушие даже к своим собственным семейным историям, хотя у многих отцы и деды, не говоря о пра-пра... были священниками или просто активными членами общин, известными старообрядческими деятелями. В одной из своих рецензий Вы писали: "Знание истории собственной семьи позволяет соотнести свою жизнь с жизнью далеких предков; когда разберешься, к чему стремились они, чего искали, поймешь, что тебе самому нужно, угадаешь свое предназначение". С этими словами нельзя не согласиться. И все же, почему у нас столько иванов, не помнящих родства?

– Этот вопрос сложен и актуален не только для нас. Хочу вспомнить имя [Никифора Дмитриевича Зенина](#) – подвижника-книгоиздателя, жившего в Егорьевске, выпускавшего журнал «Старообрядческая мысль». Много, написанное им, кажется устаревшим: публицистика живет до тех пор, пока живет повод, ее породивший. Когда он становится историей, то забывается, уходит из памяти поколений, к публицистике не возвращаются. Однако, публицистический повод обладает способностью время от времени воскресать и тогда те статьи, которые он некогда вызвал к жизни, снова становятся актуальными, позволяя взглянуть на старые проблемы с нового ракурса, в свете уже иных исторических реалий.

Но есть у Зенина статьи, актуальные, как мне кажется, в любое время, и их наберется на хороший сборник. Одна из них – «К нашей молодежи», опубликованная в «Старообрядческой мысли» и позже изданная отдельным оттиском.

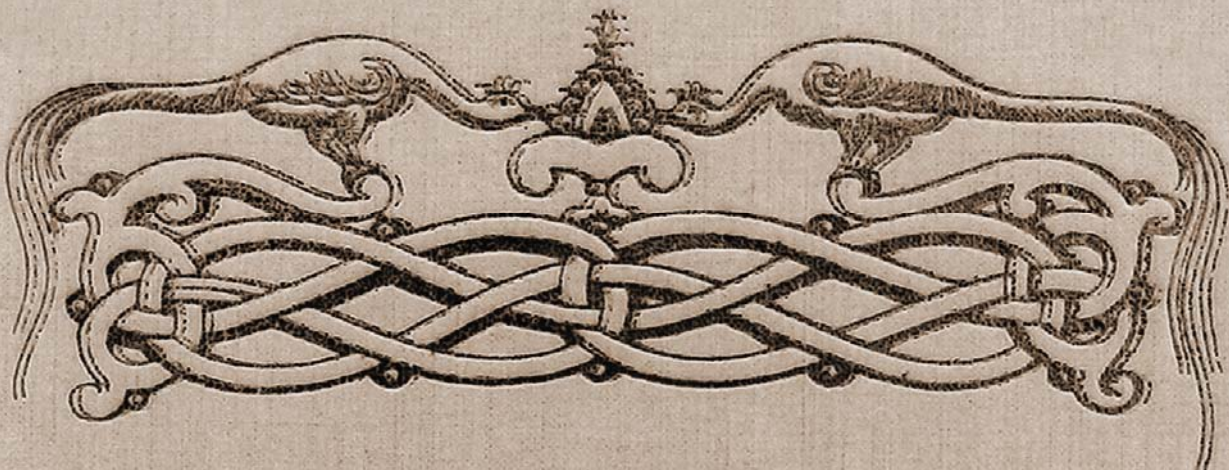
«Наше поколение, как мужчины, также точно и женщины, – пишет Никифор Зенин, – уже не те в религиозном отношении, что были наши отцы и в особенности деды. Над нами уже "потрудились" государственная (земская, министерская, и в особенности церковно-приходская) школа, и потому наше поколение вышло на сцену жизни с растрепанными религиозными убеждениями, не только чисто старообрядческими, но и вообще веровыми. А раз наше поколение таково, то каково же будет поколение, следующее за нами? Ведь худо-бедно нас еще воспитывала строгая семейная обстановка, а наша личная семья уже этой обстановки не видит. Наши дети совершенно почти не получают семейного религиозного воздействия, хороших добрых родительских примеров. Я уж не говорю о том, что мы наших детей не научили дома надлежащим отношениям к Богу, Церкви, людям, а также и церковной грамоте. Воспитание наших детей мы беззаботно поручили современной школе, то есть людям, не только чуждым нашей вере, но даже и всякой вере вообще...»

Причины равнодушия, о котором вы говорите, лежат в нарушении апостольской заповеди: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и... подражайте вере их» (Евр.13, 7). Что делать? Исполнять ее. Требуется восстановление традиций семейного благочестия, ибо причины равнодушия прошли через семью. Возрождение интереса к «микроистории» – истории своей общины, своей семьи.

«Старообрядчество, – пишет Никифор Зенин в статье «К нашей молодежи», – это нечто очень святое, святое и в веровом отношении, и в бытовом, и в семейном, и в национальном, и государственном. Исчезнет оно, с ним исчезнут и вера, и строгий честный христианский быт, строгая деловая цельная нравственно семья, исчезнет и национальная чисто русская особенность, и государство потеряет мощную, сплоченную, истинно государственную силу. Вот почему надо бы общими силами поддерживать старообрядчество в его стремлении сохраниться». «Я говорю общими, – писал Зенин, – то есть не только нашими старообрядческими, но и государственными, и даже силами церкви господствующей, ибо, если эта церковь считает себя православною, то старообрядчество-то и есть православие, только в его более чистом виде».

Что касается государства, то оно в XX веке, как и в предыдущих столетиях, православных христиан-старообрядцев только гнало. Призыв Зенина прозвучал в пустоту. Звучит ли он в пустоту сейчас? Вот вопрос...

...Но как бы то ни было, прежде чем действовать, говорить, принимать решения, надо помнить и другую апостольскую заповедь: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром?» (2 Кор. 6, 15).

«[Зенин Никифор Дмитриевич](#) – во время оно и сто лет спустя».

Актуальные материалы из жизни известного в России начала 20-го века интеллигента, общественного и старообрядческого деятеля, фотографа Зенина Никифора Дмитриевича и его сподвижников.

Цель проекта:

привлечь внимание общественности к наследию Зенина Н.Д.

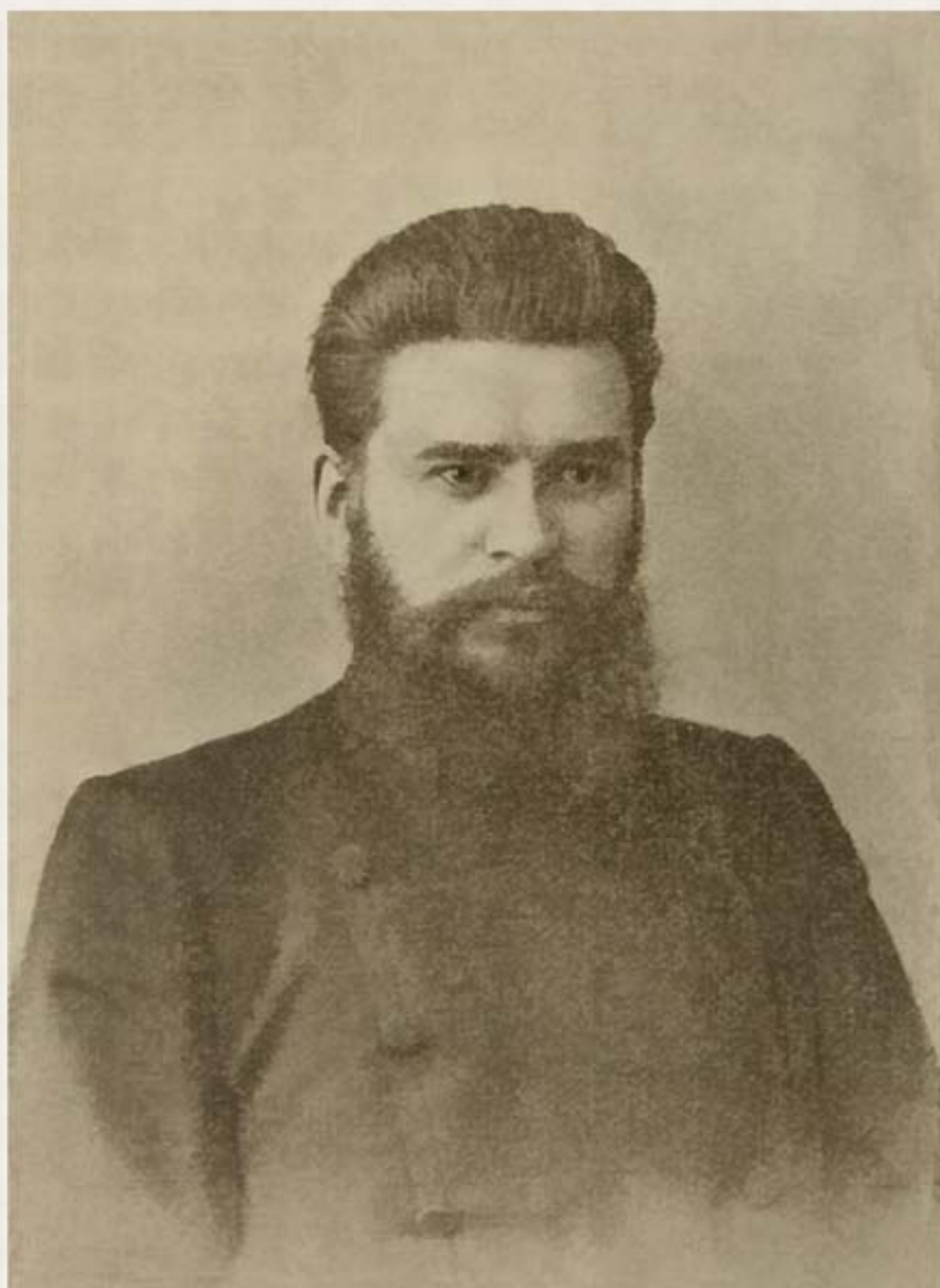
Под редакцией Боченкова Виктора Вячеславовича
кандидата филологических наук,
viktor_v@pochtamt.ru

В осуществлении проекта принял участие
Зенин Вячеслав Николаевич – правнук Зенина Н.Д.
zwn@woskresensk.ru

Выбор сайта «[Богородск-Ногинск. Богородское краеведение](#) / Богородские староверы» для публикации не случаен:

-- Зенин Н.Д. был тесно связан с Богородском. Морозов Арсений Иванович и Макаров Владимир Евсеевич были его единомышленниками и соратниками. ([Богородский Биографический словарь](#))

**Зенин
Никифор Дмитриевич**

1908 г.

Вместо предисловия

"Я был совсем ещё молодым человеком, когда судьба забросила меня в Егорьевск. Воспитанный в деревне на лоне чистой, святой, не загрязнённой смрадным дыханием современной «культуры» -- природы, матерью, истую христианкою, я не знал действительной жизни в её настоящем виде. В ту пору я думал, что стоит только поведать миру о добре и правде, как весь мир признает их и преклонится пред ними... В ту раннюю пору жизни я думал, что сила и красота истины – неотразимы... Я ведь не знал тогда того, что я с страшною горечью узнал теперь, проживши в Егорьевске 15 лет"...

Я думал: честно заблуждаются люди. Стоит, мне казалось, разъяснить им их ошибки, показать им истину, и дело истины сделано. Я с жаром принялся тогда за дело полемики. Я выступал публично на собеседованиях. Горячо я говорил им пылкие речи, проникнутые святой любовью, полные братских призывов к любви, единению и христианизации.

И вот пятнадцать лет горького, тяжёлого опыта... Сколько мук, сколько жестоких разочарований !.. Сколько жгучих, мучительно жгучих пощёчин за чистые святые чувства призыва к любви, братству и единению получил я в ответ. Какое ужасное, леденящее душу сознание, отрезвляющее, правда, от миражей и идеализации, но зато убивающее всякую веру в справедливость людей, выработал я в себе – целым рядом жестоких уроков – на пространстве всего полутора десятка лет..."

... "От дел революционных партий я также далёк по своему убеждению, как далеко небо от земли. Я не поклонник насилия, откуда бы оно и с какой бы целью ни исходило. Я твёрдо уверен в истине учения Христа – "насилие и родит только насилие" ("губящий мечом от меча погибнет"). И человечеству от того, что одно насилие будет задавлено таковым же, легче ничуть не будет. Этого я держался и буду держаться. Шесть лет незаконных преследований меня полицией, вплоть до заключения в тюрьму с намерением выслать, не вытравили у меня моей веры, что любовь только побеждает, а насилие гибнет, и с этой верою я умру"...

Н. Зенин

"О ком не хотелось бы говорить", Старообрядческая мысль», 1911 г.

"...Воспитанный в старообрядчестве, матерью глубоко-христианкою, я, как и в большинстве наша среда, привык к прямолинейности, правде..."

*Крестным отцом Масловской губернии Фран-
цузского уезда Николарий Дмитриев
Зенин.*

ЗЕНИН Никифор Дмитриевич

~1865-70 – 1922 г.г.

краткие сведения на 01.05.2010г.

родился в деревне Гостилово, Чаплыгинской волости, Бронницкого уезда, Московской губернии (ныне Воскресенский р-н, Московской области)
в крестьянской старообрядческой семье,
с 1895 года жил и работал в г. Егорьевске, Рязанской губернии,
свою деятельность начал вскоре после выхода из военной службы

Видный представитель интеллигенции России начала 20-го века

--известный и знаменитый в Егорьевске и России фотограф: документалист, художник, репортёр; член Русского фотографического общества в Москве, выставлял свои произведения в Париже; им сделаны дореволюционные фотографии исторических памятников и жителей Егорьевска, снимки представителей старообрядческого духовенства, церковно-общественных деятелей; владелец фотографии и мастерской светописы. Он первым запечатлел вид алтарей храмов Рогожского кладбища в момент их распечатывания 16 апреля 1905 года. Фотоархив Зенина Н.Д. вошёл в проект «Фотолетопись России»;

--писатель, журналист, публицист автор многочисленных статей и очерков (часто использовал псевдонимы Гостиловский и Энзет), сотрудник старообрядческих изданий;

--один из создателей и фактический руководитель книгоиздательства «Старообрядческая мысль» и одноимённого журнала; книготорговец, обладатель крупной библиотеки, в том числе общественной;

--избирался Гласным Егорьевской городской думы; принимал участие в благотворительности: член общества пособия бедным, член Егорьевского добровольного пожарного общества, член Воскресенской добровольной пожарной дружины; в 1916 году по направлению Всероссийского земского союза находился на фронте во 2-й армии;

--при его поддержке выполнены первые записи церковного пения (Морозовского хора под упр. П.Цветкова) на граммофонные пластинки; способствовал распространению записей, обучению и популяризации песнопения знаменного распева;

--состоял в Московском и Международном обществах эсперантистов Moskva sosieto esperantista и Universala esperantista asocio, издал серию уникальных фотооткрыток с видами Егорьевска и надписями на двух языках: русском и эсперанто; принимал участие в конгрессе эсперантистов-католиков в Париже в 1910 году, где выступал с докладом, и 2-ом всерусском конгрессе эсперантистов в 1913г.; вел переписку, кроме русского и эсперанто, также и на немецком, французском, польском, латышском языках, на всех славянских наречиях.

Крупный общественный деятель Церкви Христовой в России

(Русской православной старообрядческой церкви, Белокриницкого согласия)

-- один из самых известных в России интеллигентов-начетчиков (богословов, знатоков церковного права); член правления и казначей Российского Союза начётчиков, участник Всероссийских Съездов начётчиков;

-- деятельный участник Всероссийских и Чрезвычайных Съездов старообрядцев и член Совета Съездов;

-- выдающийся деятель в Егорьевском Георгиевском Братстве имени св. апостолов Петра и Павла, председатель Егорьевской старообрядческой общины;

-- неоднократно принимал участие в депутациях, наряжаемых старообрядцами по какому-либо особо важному общественному вопросу, к духовным и правительственным лицам; в качестве делегата от Рязанской епархии принимал участие в Освящённых Соборах.

Вместе с соратниками Зенин Н.Д. посвятил свою жизнь борьбе за свободу веры, совести и личности, чистоту Православной Христианской веры и созданию культурной среды старообрядчества.

За общественную и церковную деятельность преследовался полицией и жандармерией. Против него возбуждались уголовные дела, он подвергался обыскам, аресту с намерением выслать его из Рязанской губернии.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

КЪ СВѢДѢНІЮ Г.Г. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Настоящій журналъ „Старообрядческая Мысль“ преобразованъ изъ журнала „Церковное Пѣніе“. Оставляя объявленную программу журнала на 1910 годъ безъ измѣненія, редакція нашла нужнымъ дать названіе журналу болѣе соответствующее его назначенію. Въ новомъ журналѣ **Церковному Пѣнію** дается мѣсто въ особомъ отдѣлѣ; а поэтому смѣемъ надѣяться, что г.г. подписчики не будутъ въ претензіи за перемѣну названія.

Редакція считаетъ необходимымъ пояснить, что, за приложенія, кромѣ подписной цѣны на журналъ, годовые подписчики могутъ высылать деньги въ три срока по 3 р. 50 к., всего 10 р. 50 к. Полугодовые и мѣсячные подписчики, приложеніями не пользуются. Годовые же могутъ воспользоваться ими **только одинъ разъ**.

Приложеніе № 3-й раньше декабря 1910 года выслано быть не можетъ. Желаящіе приложеніе это получить, благоволятъ объ этомъ заявлять не иначе какъ только при подпискѣ на журналъ.

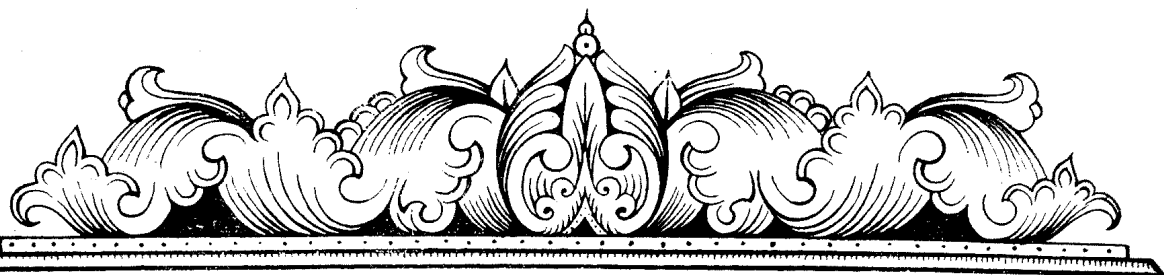
Издатель-редактор Макаров В.Е.

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ

МЫСЛЬ

1910

В.Д.З.

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

== ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ. ==

Годъ изданія первый. — № 1 Январь 1910 г.

Журналъ посвящается церковно-общественной
жизни старообрядчества.

Подписная цѣна на журналъ „Старообрядческая Мысль“ съ приложеніемъ „Церковное Пѣніе“ на 1 годъ 3 р., на полгода 2 р., на мѣсяць 40 к. Плата за объявленія: за цѣлую страницу 20 р., $\frac{1}{2}$ страницы—12 р., $\frac{1}{4}$ стран. 6 р. 50 к., $\frac{1}{8}$ страницы 3 р. 50 к. За перемѣну адреса 20 коп.

Адресъ редакціи: Кіевъ, Подоль, Набережно-Никольская, № 9.

Къ читателямъ!

Едва ли есть надобность доказывать, что въ старообрядчествѣ въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, ощущается несомнѣнная и настоятельная потребность въ дешевомъ и въ то же время серьезно поставленномъ, правдивомъ, и совершенно *независимомъ* органѣ печати, который былъ бы въ состояніи честно выполнять многія еще не выпол-

ненные въ старообрядчествѣ существенныя функціи періодической печати.

Нашихъ читателей и подписчиковъ, естественно, можетъ интересовать не это, а вопросъ о томъ, какого направленія будетъ держаться «Старообрядческая Мысль». Приглашенные нами видные сотрудники въ своихъ книгахъ и статьяхъ, а также въ своей церковно-общественной дѣятельности имѣли достаточно случаевъ обнаружить свое отношеніе къ дѣлу и свое міровоззрѣніе въ области старообрядческихъ вопросовъ. Направленіе же всякаго журнала не можетъ не зависеть отъ личности и взглядовъ его главныхъ сотрудниковъ. Къ этому, однако, необходимо сдѣлать нѣкоторыя добавленія.

Предпринимая изданіе «Старообрядческой Мысли», мы не имѣемъ въ виду опираться лишь на тѣсный кружокъ единомышленниковъ. Дѣло въ томъ, что многіе изъ основныхъ вопросовъ старообрядческой мысли и жизни находятся еще въ періодъ своей разработки, а въ области теоріи не допускать разнорѣчій во взглядахъ значитъ думать, что могутъ существовать безспорныя и непогрѣшимыя положенія и мнѣнія отдѣльныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого, мы охотно откроемъ страницы своего журнала для изслѣдованій и авторовъ, принадлежащихъ къ различнымъ направленіямъ, лишь бы самыя изслѣдованія были результатомъ честныхъ убѣжденій и отвѣчали разностороннимъ церковно-общественнымъ интересамъ старообрядчества, въ смыслѣ пониманія ихъ редакціей.

Ради выясненія истины иногда можетъ быть допущено помѣщеніе въ журналъ работъ съ несогласованными между собой выводами, въ особенности, если эти работы относятся

къ какимъ нибудь недостаточно еще изслѣдованнымъ или спорнымъ вопросамъ. Жизненная практика свидѣтельствуетъ, что, повидимому, противоположныя воззрѣнія, давая разностороннее освѣщеніе предмета, нерѣдко кладутъ основаніе болѣе широкому и правильному взгляду, который устраняетъ противорѣчія нѣсколько одностороннихъ мнѣній и ведетъ къ торжеству правды.

Такимъ образомъ, «Старообрядческая Мысль» ставитъ цѣлью не распространеніе какихъ нибудь узко-партійныхъ и односторонне-предвзятыхъ взглядовъ или готовыхъ положеній, а возможное объединеніе старообрядческихъ литературныхъ и общественныхъ силъ на почвѣ разработки и выясненія теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, особенно касающихся новаго положенія старообрядчества въ государствѣ и его общественнаго устроенія въ наше переходное время.

Исходя изъ вышеизложенныхъ соображеній, мы при выборѣ статей и привлеченіи сотрудниковъ предполагаемъ руководствоваться, главнымъ образомъ, не принадлежностью автора къ тому или иному теченію или общественному кружку, а важностью вопросовъ и достоинствами работъ.

Съ особеннымъ вниманіемъ мы желали бы отнестись къ ознакомленію читателей съ результатами разныхъ подготовительныхъ и иныхъ работъ, которыя нерѣдко служатъ основою проектовъ или практическихъ мѣропріятій въ области религіознаго законодательства, часто не согласованныхъ съ жизнью и вызывающихъ нежелательныя послѣдствія. При обсужденіи вопросовъ вѣроисповѣднаго законодательства компетентными лицами мы будемъ руководиться не личными мнѣніями и видами отдѣльныхъ лицъ, а общими желаніями

старообрядчества и соображеніями его пользы, процвѣтанія и внутренней независимости и свободы.

Въ тѣхъ видахъ, чтобы при освѣщеніи различныхъ вопросовъ быть возможно ближе къ жизни, мы надѣемся на содѣйствіе мѣстныхъ компетентныхъ людей, которыхъ просимъ снабжать насъ вѣрными и точными указаніями и сообщеніями изъ мѣстной приходской и церковно-общественной жизни, освѣщающими тотъ или иной общій вопросъ.

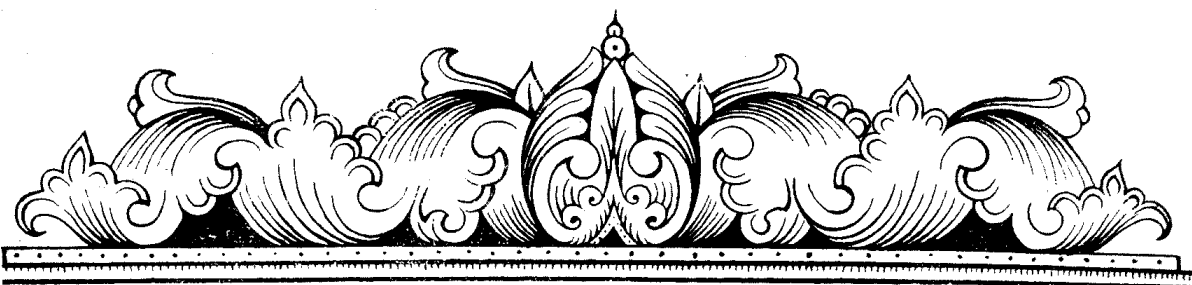
Намъ хотѣлось бы, по мѣрѣ силъ, поддерживать въ сферѣ старообрядческой мысли ту «искру Божію», которая загорается у многихъ въ молодыхъ годахъ и которая гаснетъ потомъ, когда люди, вовлеченные въ бурный жизненный водоворотъ, лишаются возможности укрѣплять и дополнять свои познанія и расширять свой религіозный и церковно-общественный кругозоръ.

Для возможнаго обезпеченія внутренняго содержанія журнала въ предѣлахъ предположенной программы необходима соотвѣтственная поддержка со стороны старообрядческихъ литературныхъ силъ. Въ этомъ отношеніи мы, повидимому, можемъ смотрѣть на дѣло бодро и увѣренно.

Намѣреніе издавать нашъ журналъ встрѣтило съ разныхъ сторонъ сочувствіе и одобреніе.

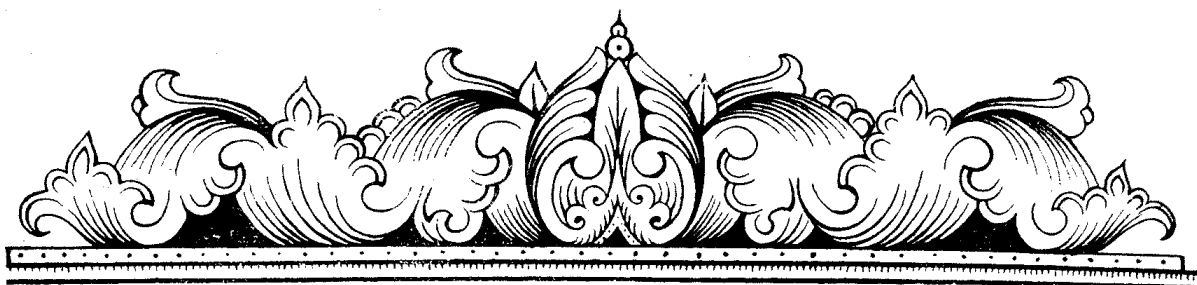
Видныя компетентныя богословскія и литературныя старообрядческія силы, а также нѣкоторые лица, извѣстныя своими цѣнными историческими работами по старообрядчеству, обѣщали намъ свое участіе. Тѣмъ не менѣе, среди нашихъ друзей нашлись и скептики, въ глазахъ которыхъ изданіе спеціальнаго журнала не на счетъ мецената представляетъ безразсудство, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, при современномъ уровнѣ образованности, среди старообрядчества не

найдется не только достаточного количества подписчиковъ, но нѣтъ и контингента читателей по церковнымъ вопросамъ, кромѣ относительно немногочисленныхъ спеціалистовъ. Рѣшаясь, однако, на пожертвованіе своимъ трудомъ и спокойствіемъ и не скрывая отъ себя опасности прямыхъ матеріальныхъ потерь, мы вмѣстѣ съ тѣмъ думаемъ, что въ старообрядествѣ, разсѣянномъ по всѣмъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, найдутся люди разныхъ положеній и занятій, среди которыхъ журналъ, посвященный интересамъ церковно-общественной жизни, а также постановки на должную высоту церковнаго пѣнія и прочихъ сторонъ приходской жизни, можетъ пріобрѣсти цѣнныхъ читателей и подписчиковъ,—если не такъ много, чтобы оплатить всѣ денежные и трудовыя затраты по изданію, то достаточно для того, чтобы журналъ стоило издавать во имя интересовъ старообрядчества и во имя развитія старообрядческой мысли. Съ такими надеждами приступаемъ мы къ изданію журнала въ 1910 году и просимъ всѣхъ, сочувствующихъ нашимъ цѣлямъ, оказать возможное содѣйствіе успѣху и распространенію нашего журнала, дабы онъ росъ и крѣпъ, давая намъ отрадное убѣжденіе, что не напрасны наши труды, что своимъ изданіемъ мы удовлетворяемъ насущной потребности старообрядчества. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на наши приложенія къ журналу, чтобы видѣть, что мы не останавливаемся передъ затратами, а намѣрены идти все дальше впередъ въ дѣлѣ развитія и совершенствованія журнала, давая одно бесплатное и одно за неслыханно дешевую плату цѣнные приложенія, необходимыя въ каждомъ приходѣ и храмѣ при богослуженіи и обученіи церковному пѣнію.

Всякій добрый совѣтъ и указаніе читателей будутъ нами приняты съ благодарностью, потому что въ общемъ совѣтъ залогъ успѣха.

Отъ Геѳсиманскаго сада до Голговы.

„Это Отрокъ Мой... (Онъ) тростника надломленнаго не переломить и льна курящагося не угасить“... Мѣ. XII, 18—20.

„И (Онъ) къ злодѣямъ причтенъ“... Марк. XV, 28.

Какъ много сказано о Христѣ этими краткими словами пророковъ. Какъ это сильно: „Трости надломленной не сломить и льна курящагося не угасить“. И вѣрны слова этого пророчества: всю жизнь Онъ былъ „кротокъ и смиренъ сердцемъ“ (Мѣ. XI, 29), всю жизнь Онъ отдалъ людямъ, уча ихъ правдѣ Божіей, „исцѣляя всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ“ (Мѣ. IV, 23), и за это былъ „къ злодѣямъ причтенъ“ (Мрѣ. XV, 28), отданъ на

пытки и распять на крестѣ. Вотъ человѣческая благодарность за принесенную пользу... за любовь, къ человѣку проявленную...

Ночь, полная жуткаго мрака. Спалъ глубоко старый Иеросалимъ. Не спали только злодѣи—„первосвященники“, „книжники“ и „фарисеи“. *Священники Бога Вышняго, книжники всю жизнь изучавшіе Законъ Божій, святыхъ Его вельнїа, фарисеи—набожные люди, всюду показывавшіе свою высокую набожность и полную покорность вельнїямъ Закона Божіа. Имъ*

Иуда предатель.

было не до сна,—Тотъ, Галилеянинъ, изъ Назарета, сынъ плотника, сынъ Марїи-дѣвицы, страшно беспокоилъ ихъ. Его огненные обличенїа жгли ихъ позорную совѣсть, не давали имъ покоя, ихъ томилъ страхъ, что народъ пойметъ ихъ позорное поведеніе, раскуситъ ихъ внутреннее разложеніе и отвернется отъ нихъ, пойдя вслѣдъ за Ісусомъ... Надо спѣшить, думали они.

Надо спѣшить, пока еще не весь народъ увлеченъ этимъ „обманщикомъ“... И они спѣшили... Они искали способовъ покончить съ Нимъ. Но въ ужасу ихъ, у нихъ до сихъ поръ ничего не выходило: не было причинъ, возможности обвинить Его. Но въ эту ночь даромъ не спали они: одинъ изъ двѣнадцати приближенныхъ къ Нему обѣщалъ имъ предать Его. Предать за ничтожную плату... за тридцать серебряныхъ монетъ невысокой стоимости!..

Они нарядили свору—всякаго сброда, вооружили ее и, подкрѣпивъ случайными римскими солдатами, отправили подъ водительствомъ предателя изловить этого „обманщика“. пользуясь темною ночью.

Искони дѣла нечестія, дѣла тьмы, творятся въ сумракѣ ночи... и чѣмъ позорнѣе дѣла, тѣмъ мрачнѣе выбирается ночь... Такова тактика духа тьмы.

Пустынный садъ. Мракъ ночи, усиливаемый густою тѣнью маслинъ. Низко ползущія облака. Порывы вѣтра... На сердцѣ жуть. Боязливый шопотъ и глухой шумъ идущей толпы. Иногда лязгъ мечей... Впереди предатель... Факелы, увеличивающіе окружающій мракъ...

Вдругъ голосъ: „Кого вы ищете?“ Всѣ остановились въ трепетѣ и ужасѣ. „Кого вы ищете?“ снова вопросъ. — Исуca Назорея, — отвѣчаютъ робко. „Это я...“ (Іоан. XVIII, 5—8). „Что это вы, точно на разбойника, вышли съ мечами и колющими, чтобы взять меня?.. Каждый день бывалъ я въ храмѣ и вы не поднимали на меня рукъ. Но теперь—ваше время и власть тьмы... Берите!“ сказалъ Спаситель.

Его взяли и повели.

Ученики разбѣжались... Отсюда начались тѣ жестокія страданія и то жестокое поруганіе, которыя продолжались до самаго послѣдняго вздоха Его на крестѣ. Страданія, которыхъ Онъ не заслужилъ. Но Онъ „язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша, наказанія міра нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣлехомъ!“ (Исаиі LIII, 5).

Долго, мучительно долго, длилась эта позорная для человѣчества ночь, во мракѣ которой злая, порочная воля человѣка издѣвалась надъ Всесовершенствомъ... Привели Его въ домъ первосвященника на позорный допросъ. Позорный не для Него, а для враговъ Его. Измученное волненіями дня и ночью тяжелой молитвою—тѣло Его требовало отдыха. Но... этотъ отдыхъ ждалъ Его на крестѣ послѣ жестокихъ, невыносимыхъ страданій—въ покоѣ смерти... Онъ зналъ, на что шелъ, и воля Его была тверда.. но тѣло, человѣческое тѣло, оно мучительно должно было страдать. Недаромъ не спали враги: отъ нихъ пощады уже нельзя было ожидать, а надо было быть готовымъ пить всю чашу страданій до дна. А какъ глубока и полна была эта чаша горечи!..

Было за полночь, когда привели Его къ первосвященнику, проводя пустынными и безмолвными улицами города. Тотъ не спалъ, ожидая, и тотчасъ же, со всею злобою, кипѣвшею внутри его злобнаго сердца, приступилъ къ допросу. Это былъ Анна, отставной іерархъ-чужеземецъ (александрійскій еврей), одинъ изъ числа „порожденій ехиднина“, собственно даже не имѣвшій права на допросъ, не только потому, что былъ позоренъ своимъ поведеніемъ, но и потому, что онъ уже не былъ первосвященникомъ въ то лѣто. Отвѣты Христа своею прямою морально били его по лицу. Но это только усиливало ярость и злобу Анны и его клевретовъ, такъ что одинъ изъ клевретовъ его не выдержалъ злобы своей и съ крикомъ: „Такъ-

то ты отвѣчаешь первосвященнику!" впервые зашилъ Христа позорнымъ ударомъ во святую ланиту. Только огромная, именно Божественная сила воли могла такъ спокойно перенести это оскорбленіе, ибо мы знаемъ, что когда это же самое случилось съ Павломъ (апостоломъ), такъ тотъ не вынесъ этого и отвѣтилъ на это жестокимъ укоромъ: „Богъ будетъ бить тебя, стѣна подбѣленная“ (Дѣян. XXIII, 3). А Онъ, Сынъ Божій, безконечно превышій всѣхъ апостоловъ и ангеловъ, только спокойно упрекнулъ: „Если я сказалъ худо, докажи, что худо, а если хорошо, за что же бьешь меня?..“ Ничего не добившись отъ Христа могущаго послужить къ обвиненію, этотъ невѣрующій саддукей - первосвященникъ (Анна) отослалъ Его къ своему зятю—Іосифу Каіаеѣ, такому же невѣру-саддукею, и уже совсѣмъ не милостію Божіею, а просто милостію римскаго прокуратора бывшему на тотъ годъ официальнымъ первосвященникомъ.

Каіаеа стоилъ своего тестя во всемъ, если только былъ еще не хуже его—коварный, злой и беззастѣнчивый. Въ его домѣ, находившемся въ четырехъ угольникѣ того же двора, что и домъ Анны, былъ произведенъ второй допросъ, такой же частный и такой же незаконный. Тамъ собрались самые смертельные враги Христа изъ священниковъ и саддукеевъ. Удивительно: простодушные апостолы не могли часа бодрствовать (въ саду Геосиманскомъ), а эти гнусные злоумышленники, пылая смертельною злобою къ неповинному, не спали цѣлую ночь.

Для законнаго состава синедріона должно было собраться не менѣе 23 членовъ его. И они собрались. И безошибочно можно сказать, что большинство изъ собравшихся состояло изъ священниковъ... Всякаго рода обвиненія сыпались на голову Христа, вплоть до показаній лжесвидѣтелей, но всѣ заявленія лжесвидѣтелей падали сами собою благодаря самопротиворѣчіямъ, такъ что даже и эти несправедливые и ожесточенные судьи не могли обосноваться на нихъ. Еще выступали лжесвидѣтели, но и ихъ лжесвидѣтельства падали снова. Христосъ стоялъ и молчалъ, давая полную волю имъ путаться въ своихъ лжесплетеніяхъ. Это величественное молчаніе угнетало и невыносимо раздражало судей. Имъ казалось, что не этотъ связанный по рукамъ Назарянинъ—подсудимый, а они сами, а Онъ былъ судьей. Казалось имъ, что замыселъ ихъ рухнетъ... Тогда яростно вскочилъ Каіаеа и вскричалъ: „Что же ты ничего не отвѣчаешь, что они противъ тебя свидѣлствуютъ?“ Но снова величавое молчаніе.— „Заклинаю тебя Богомъ Живымъ—скажи намъ: ты ли Христосъ Сынъ Божій?“—снова, уже изступленно, закричалъ Каіаеа. Но это уже, въ сущности, былъ крикъ отчаянія, потерянныхъ надеждъ. Станный, непослѣдовательный вопросъ, обращенный къ связанному, беззащитному, уже почти осужденному человеку; вопросъ еще болѣе странный въ устахъ первосвященника своего народа... И только теперь послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ съ присо-вокупленіемъ: „И вы узрите Сына человѣческаго, сидящаго одесную Силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ“.

И вотъ за это признаніе Его приговорили къ смерти.

„Онъ богохульствуетъ! — кричалъ Каіафа. — Какихъ еще надо свидѣтельствъ?! Смерть Ему!..“ И все темное судилище ему вторило. Этимъ и закончилась вторая часть суда надъ Христомъ.

Такъ-то приняли іудеи 2000 лѣтъ ожидаемаго ими Мессію!

Его оставили подъ стражей до разсвѣта, ибо настоящій судъ долженъ былъ совершиться только днемъ при полномъ составѣ синедріона, но зато теперь уже всякій имѣлъ право издѣваться надъ Нимъ и причинять ему обиды. Его толкали, били, оскорбляли, плевали въ лицо. Но все это было ничто въ сравненіи съ тою моральною пыткой, которую пришлось пережить Христу въ эту ужасную ночь, когда Онъ среди ужасныхъ мученій тѣлесныхъ услышалъ, какъ Его любимый апостолъ, которому Имъ были ввѣрены ключи Царствія, настойчиво, съ клятвою отрекался отъ Него, увѣряя, что онъ даже „не знаетъ сего человѣка“ (Мѣ. XXVI, 72). Можно ли себя представить состояніе души человѣка, оставленнаго всѣми близкими, преданнаго жестокимъ врагамъ, мучимаго тѣлесно и нравственно и къ тому же слышащаго какъ самый ревностный послѣдователь его въ страхъ отрекается стъ него? Можно ли придумать что-либо болѣе мучительное?.. Это была чаша горечи, о которой Онъ такъ усердно молился, чтобы она минула Его... Но Отецъ судилъ иначе: ее нужно было испытать полностью, до дна.

Мы знаемъ, что къ утру бессонная ночь убиваетъ всякую волю человѣка... Тѣло, измученное бодрствованіемъ, властно требуетъ покоя, отдыха... Но не то было суждено Христу: не отдыхъ и покой предлагался ему, а заушенія, поруганія и оплеванія со смертью на крестѣ не дальше какъ солнце взойдетъ. Въ караульнѣ, куда Онъ былъ отведенъ солдатами, на него обрушилась вся невѣжественная злоба фанатической ненависти, все дерзкое нахальство грубой толпы, вся холодная жестокость, скрывающаяся подъ маской приниженнаго восточнаго раболѣпства. Величавость Его смиренія только вызывала ихъ низкое, злорадное демонское звѣрство. Они плевали ему въ лицо, били палками, кулаками, надѣляли пощечинами. Завязавъ ему глаза, они устроили себя нѣчто въ родѣ забавы за счетъ Его страданій. Учащенно ударяя Его по лицу, они насмѣшливо спрашивали: „Прореки намъ, Мессія, кто ударилъ Тебя?“ Такъ забавляясь коротали они время, ожидая разсвѣта, вымещая на Его безотвѣтной невинности свою настоящую подлость и прежній страхъ предъ Нимъ... Посреди этой наглой дворни, съ завязанными глазами и скрученными руками, въ тягостномъ безмолвномъ страданіи, беззащитно и одиноко стоялъ Сынъ Божій... Христосъ былъ поруганъ. Судія былъ осужденъ. Святѣйшій оказался преступникомъ. Избавитель связанъ!.. О подлость человѣческой натуры!!!

Однѣ пытки шли за другими, кроваво чередуясь безъ конца: съ разсвѣтомъ, и не далѣе какъ около 6 часовъ утра, Христосъ уже стоялъ передъ полнымъ синедріономъ, т.-е. передъ высшимъ еврейскимъ судилищемъ. Весь составъ его, за исключеніемъ только Никодима, Іосифа Аримаѣйскаго

и, возможно, Гамалила, былъ за преданіе Его смертной казни. Да и какъ же они могли думать иначе,—вѣдь тутъ были священники, алчность и себялюбіе которыхъ Онъ укорялъ; старѣйшины, лицемеріе которыхъ Онъ обнажалъ; книжники, невѣжество которыхъ онъ изобличалъ, и больше всѣхъ преданные мірскимъ интересамъ, скептическіе, якобы философствующіе саддукеи, самые жестокіе и опасные изъ противниковъ, пустую мудрость которыхъ Онъ такъ позорно раскрывалъ. Откуда же у нихъ, такъ жестоко Имъ обиженныхъ, могло явиться чувство справедливости, или по крайней мѣрѣ состраданія? Естественно, что они жаждали Его смерти.

Какъ удивительно, обычно удивительно складываются обстоятельства во всѣ дни жизни Земли и живущихъ на ней: тѣ, кто поистинѣ должны бы были быть на каторгѣ или висѣлицѣ, тѣ обычно приговариваютъ къ этому другихъ; тѣ, кого съ позоромъ надо бы изгонять изъ среды общества, обычно занимаютъ самыя почетныя мѣста и клеймятъ позоромъ и изгнаніями невинныхъ. Это самое случилось и здѣсь: люди низкіе, подлые въ душѣ и поступкахъ, преступники, люди невѣрующіе ни въ Бога, ни въ дьявола (саддукеи), судили отъ имени Бога и религіи Того, кто и посланъ отъ Бога только для того, чтобы очистить религію отъ той грязи, въ которую ее облекли эти мерзавцы. Люди, издѣвавшіеся надъ простою вѣрою народа, обманывавшіе простой народъ, эксплуатировавшіе эту вѣру и кощунствовавшіе надъ нею своими поступками, обличали Сына Божія въ богохульствѣ! Не чудовищное ли это зрѣлище!.. Но они даже не сознавали этого, будучи ослѣплены самовлюбленностію и злобною яростію къ своему обличителю. Судъ былъ недологъ: Христа приговорили почти единогласно къ смертной казни. Этимъ и закончилась третья часть суда надъ Нимъ.

Судить они могли, но выполнить казни имъ права не было дано, а главное—обычные способы еврейской казни не удовлетворяли этихъ кровожадныхъ гіенъ. Удавить, или камнями побить, какъ это было принято у нихъ, это слишкомъ неудовлетворительно казалось имъ; имъ нужна была смерть Христа болѣе жестокая, ужасная, а главное—болѣе позорная, проклятая, а такую—считалась тогда смерть на крестѣ, ибо сказано: „Проклятъ отъ Бога всякъ висѣй на деревѣ“ (Второзак. XXI, 23. Галат. III, 13). Эта казнь была обычна у римлянъ. А потому евреи, всѣмъ кагаломъ, во главѣ съ первосвященниками, повели Христа къ прокуратору Іудеи Понтію Пилату, требуя отъ него распятія Христа. Это было не позже, какъ около 7 часовъ утра. Пилатъ хотя былъ и жестокій человѣкъ и скептикъ, но воспитанный въ пониманіи римскихъ законовъ и чувствъ римской справедливости, не хотѣлъ несправедливо осудить Христа, тѣмъ болѣе, что у него были причины срашно ненавидѣть этихъ мерзавцевъ, подлости которыхъ и узость ихъ фанатизма онъ зналъ хорошо, а поэтому онъ требовалъ доказать виновность Христа. Голословнымъ обвиненіямъ онъ не вѣрилъ, ибо отлично видѣлъ, что всѣ обвиненія суть только измышленія злобы кровожаднаго фанатизма. Онъ окончательно не хотѣлъ позорить римскихъ законовъ, утвер-

ждая приговоръ, въ которомъ онъ, какъ представитель гражданской власти, не принималъ участія, а поэтому онъ имъ и предложилъ: „Возьмите Его и по закону вашему судите“. Но эти хитрые гіены вынудили и Пилата согласиться съ ними, ибо они Христа выставили не какъ богохульника, повиннаго только предъ еврейскимъ закономъ, а какъ преступника политическаго: „Онъ развращалъ народъ, кричали они, Онъ запрещалъ платить подати царю и называлъ себя царемъ“. Но Пилатъ всетаки не сдавался и торжественно объявилъ: „Я никакой вины не нахожу въ Немъ“. Однако это только подлило масла въ огонь. Страсти толпы разгорались и толпа настойчивѣе приступила къ Пилату. Не имѣя возможности отдѣлаться отъ требованія толпы и не желая всетаки брать на себя бремени несправедливаго обвиненія, онъ рѣшилъ увернуться и потому отправилъ Христа къ Ироду Антипѣ, четверовластнику Галилеи, какъ галилеянина, надѣясь, что тотъ своею властью покончить этотъ вопросъ. Антипа прибылъ въ Іерусалимъ на дни празднованія Пасхи и остановился, вѣроятно, во дворцѣ Асмонеевъ, служившемъ резиденціей іудейскихъ царей. Это была личность, отвратительнѣй которой не отыщешь въ исторіи, безобразный, распущенный садукей-идумеянинъ, утопавшій въ преступленіяхъ и крови. И вотъ къ нему-то повели Христа по длиннымъ узкимъ улицамъ города въ сопровожденіи собравшейся огромной толпы, безумно ревѣвшей яростнымъ гнѣвомъ, подстрекаемой къ тому врагами Христа. Здѣсь Христосъ подвергся второму и болѣе злѣйшему поруганію отъ возбѣшеннаго Его величавымъ молчаніемъ на задаваемые вопросы этого царька. Въ насмѣшку надъ Его невинностью и бѣдностью онъ потомъ облекъ Его въ свѣтлыя праздничныя одежды и въ такомъ видѣ отправилъ обратно къ Пилату. Это былъ пятый допросъ.

Теперь Христосъ снова у Пилата. Здѣсь разыгралась послѣдняя, шестая, самая бурная и томительная фаза этого постыднаго суда надъ невиннымъ. Пилатъ, бывший на подозрѣніи у императора за этихъ же самыхъ іудеевъ, три раза поднимавшихъ бунтъ за время его прокураторства, колебался и не рѣшался смѣло объявить Христа невиннымъ, хотя случай къ тому былъ и удобный: если Христа не осудилъ ихъ собственный царь, то какъ же онъ-то осудить невиннаго,—могъ бы онъ имъ сказать. Но онъ на это не рѣшился. Въ своей невольной слабости онъ намѣревался уступить требованіямъ толпы: „наказать Христа, предать Его публичному бичеванію, обезлавить Его предъ глазами ихъ, а потомъ отпустить, сохранивъ Ему жизнь“. Но и это не подошло. Наконецъ онъ рѣшилъ использовать давнишній обычай—право прощенія приговоренныхъ ради праздника Пасхи. Но это уже была собственно потеря права, ибо это уже было не дѣло настоящей справедливости, а дѣло случайной милости. Ему казалось, что такимъ способомъ ему удастся спасти хотя бы жизнь Христу.

Самъ онъ жестоко страдалъ отъ внутренняго волненія и нерѣшительности: онъ видѣлъ, что предъ нимъ стоитъ человѣкъ ни въ чемъ не повинный, нагло оклеветанный, которому по закону онъ долженъ не

только жизнь сохранить, но и оправдать его, а между тѣмъ онъ ясно видѣлъ, что въ силу роковыхъ обстоятельствъ онъ вынуждается произнести ему смертный приговоръ. Жена его Клавдія прислала къ нему просьбу— „не причинять вреда этому праведнику, ибо сновидѣніе ее предупреждало отъ этого“, и все-таки онъ чувствовалъ, что онъ не сможетъ его оправдать. Эти гѣвы, жаждущія крови, ясно грозили ему доносами къ царю, а такъ какъ онъ былъ уже въ подозрѣніи у императора, то ему и приходилось опасаться за собственное благополучіе. Вотъ это-то все и дѣлало его нерѣшительнымъ. Потому-то онъ и прибѣгъ къ средству прощенія, думая на этомъ отыгаться. Но это ему не удалось. Толпа, дикая, подбитая священниками, яростно орала: „Освободи намъ Ісуса—Вар-авву“. Возмущенный этой новой низостью толпы, требовавшей освободить за вѣдомаго разбойника и осудить невиннаго, Пилать съ презрительною насмѣшкою спросилъ: „Что же вы хотите чтобы я сдѣлалъ съ царемъ іудейскимъ?“

Тогда-то и загремѣлъ впервые неистовый крикъ:

— „Распни, распни Его!“

— „Какое же зло Онъ сдѣлалъ? Я ничего не нашелъ въ Немъ достойнаго смерти. Итакъ, наказавъ, я Его отпущу“.

Но толпа уже просто неистовствовала:

— „Смерть, смерть Ему! Отпусти Вар-авву!.. Распни, распни Его!“

Пилать уступилъ толпѣ и предалъ Христа на бичеваніе, освободивъ разбойника. Христа въ полусогнутомъ положеніи привязали руками къ столбу раздѣтымъ донага и затѣмъ били ременною плетью съ налитыми свинцомъ концами по вздрагивающимъ отъ напряженія мускуламъ и нервамъ спины. Часто удары случайно, а то и намѣренно, падали на Его голову и лицо. Это бичеванье мучительно, и потому жертва истязаній часто лишалась чувствъ, а иногда даже и умирала подъ ударами, не дождавшись распятія. Намъ невыносимо больно дѣлается, представляя себѣ Христа ни въ чемъ не повиннаго переносящимъ позоръ всенароднаго обнаженія и варварскаго истязанія послѣ безсонной проведенной ночи и цѣлаго ряда другихъ пытокъ и издѣвательствъ, которыя и безъ того истерзали Его. Но за эту жестокость, отъ которой цѣпенѣетъ сердце и кровь застываетъ въ жилахъ, слѣдовалъ еще болѣе ужасный рядъ мученій и издѣвательствъ: надъ Нимъ продѣлали цѣлую перемонію надругательствъ—какъ надъ царемъ. Солдаты преторія, не римляне (тѣ благороднѣе), а изъ подонковъ мѣстнаго населенія, разный наемный сбродъ, поволокли Его въ свою казарму и тамъ вволю натѣшились надъ беззащитнымъ, удовлетворяя своимъ звѣрскимъ инстинктамъ. Между прочимъ они облачили Его въ багряницу—знакъ царскаго достоинства, одѣли на голову корону-вѣнокъ, сплетенный изъ колючаго терна, въ руки дали трость на подобіе скипетра и идѣваясь—проходили мимо, воздавая ему царскія почести, въ то же время плюя и ударяя въ лицо и приговаривая: радуйся, Царь Іудейскій (Іоан. XIX, 3).

Что могъ испытывать въ эти моменты Страдалецъ, трудно высказать,—это можно только чувствовать сердцемъ.

Пилать не терялъ еще надежды освободить Христа и потому, когда избитаго, израненнаго Христа привели къ нему, онъ, снова допросивъ Его и не найдя въ немъ ничего достойнаго осужденія, въ третій разъ вывелъ Его къ народу съ цѣлью отстоять Ему жизнь. Но когда онъ, обращаясь къ бушующей черни, сказалъ: „Это царь вашъ“ (думая, видимо, этой насмѣшкой сыграть на ихъ національномъ самолюбіи), толпа снова заревѣла: „Распи, распи Его!“ Возмущенный въ свою очередь, Пилать воскликнулъ: „Царя ли вашего распну?“... И священники, потерявшіе всякое самообладаніе, какъ безумные закричали, отрекаясь отъ собственнаго національнаго достоинства и мессіанскихъ чаяній: „Нѣтъ у насъ царя, кромѣ кесаря!“ А толпа имъ вторила: „Если тыпустишь Его, то ты недругъ кесарю!“ Этимъ Пилать былъ добить окончательно: это уже грозило ему потерей всего своего благополучія, и потому онъ произнесъ свое страшное согласіе на безумную казнь праведника, но предварительно умывъ руки въ своей невинности и добившись, чтобы толпа взяла на себя эту не повинно пролитую кровь: „Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!“ изступленно орала она, забывъ въ своемъ безуміи чувство всякой мѣры. И эта кровь Праведника доднесъ тяготѣетъ надъ несчастными потомками этихъ сумасшедшихъ. Поднесъ она льется во всѣхъ странахъ и народахъ и вѣроятно до конца міра будетъ проливаться...

Судъ совершился. Было уже около 9 часовъ утра. Три часа неистовствовала толпа, добиваясь смертнаго приговора!

Крестъ былъ готовъ. Христосъ переодѣтъ въ свои одежды. Положивъ крестъ ему на плечи, и безъ того уже израненнаго, солдаты повели Его на мѣсто казни. Вмѣстѣ съ Нимъ вели туда же для распятія и двухъ разбойниковъ. Большое стеченіе народа въ Іерусалимъ благодаря приближенію праздника Пасхи дало огромную толпу, сопровождавшую это позорное шествіе къ мѣсту казни.

Становилось жарко—ибо день уже приближался къ полудню. Христосъ былъ смертельно истомленъ предшествовавшими днями, сильными переживаніями на вечерахъ, нравственными потрясеніями въ саду Геосиманскомъ, безпокойствомъ и страданіями безсонной ночи, тремя допросами и тремя приговорами отъ іудеевъ, долгими томительными сценами въ преторіи, допросомъ предъ Иродомъ, звѣрскими и мучительными издѣвательствами, которымъ Онъ подвергался сначала отъ членовъ синагоги и ихъ слугъ, затѣмъ отъ тѣлохранителей Ирода и, наконецъ, отъ римской когорты. Все это вмѣстѣ взятое окончательно убило въ Немъ тѣлесную силу, и потому крестъ, Имъ несомый, былъ Ему не по силамъ. Онъ падалъ подъ его тяжестью и, несмотря на повужденія воиновъ, нести его Онъ былъ уже не въ силахъ.

Тогда воины сжалились надъ нимъ и заставили нести крестъ нѣкогого Симона Киринеянина.

Среди множества народа, среди собственно мужчинъ, Христосъ не вызывалъ сочувствія. И тѣхъ, что только за нѣсколько дней передъ этимъ громко кричали Ему: „Осанна, сыне Давыдовъ“, теперь уже какъ будто не существовало болѣе: ихъ или не было въ толпѣ ради страха или, скорѣе, они были, да ужъ перемѣнили свое отношеніе къ Нему. Таково человѣческое сочувствіе вообще: къ сильному тянутся, преклоняются, величаютъ; его же поверженнаго безжалостно топчутъ ногами. Только женщины, какъ живущія больше не движеніями разума, а сердца, громкими воплями жалости протестовали противъ совершающейся нечѣпой несправедливости. И къ нимъ-то обратился Христосъ съ словами, обнаруживавшими, что со слабостію Его тѣла не ослабѣлъ Его Божественный Духъ: „Дщери іерусалимскія, не обо мнѣ плачьте, а о себѣ и дѣтяхъ вашихъ“, сказалъ Онъ. Это были великія слова Великаго духа. И дѣйствительно надо было плакать не о Немъ, а о себѣ и дѣтяхъ: Онъ обрекъ себя на крестъ, но мы своимъ жестокимъ безуміемъ ежечасно готовимъ себѣ тысячи мукъ въ будущемъ. Не къ однимъ только „дщерямъ Іерусалима“ относились эти слова и не къ тому только моменту жизни человечества, а ко всѣмъ людямъ вообще и ко всѣмъ временамъ, прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ. Люди вѣдь и теперь также злы, немилосерды, мстительны и жестоки. Даже тѣ, кто потомъ стали именоваться священниками Того же неправедно замученнаго Христа, въ свою очередь неправедно мучили тысячи людей и о, позоръ! во имя неправедно-замученнаго. И теперь люди тысячами распинаютъ другъ друга, если и не на крестѣ, то подобно сему, и распиная—не чувствуютъ ни угрызеній совѣсти, ни жалости, а только живутъ чувствомъ злорадства, если „распятіе“ хорошо удастся.

Страшная процессія приближалась къ лобному мѣсту, мѣсту по-еврейски звавшемуся „Голгоѳа“. Часъ распятія приблизился. Гнусное, позорное дѣло должно было сейчасъ совершиться...

Смерть на крестѣ помимо ужасныхъ страданій еще считалась самою позорною. Она у римлянъ была въ практикѣ исключительно для рабовъ и отъявленныхъ негодяевъ. У всякаго, кто видѣлъ распятаго, являлось немедленное отвращеніе и презрѣніе къ распятому. По еврейскому же закону она проклята. Вотъ именно причины, по которымъ „священникамъ“, „книжникамъ“, „фарисеямъ“ и „саддукеямъ“ такъ и хотѣлось добиться этой смерти для Христа. Имъ хотѣлось какъ можно сильнѣе опозорить своего Обличителя, измучить Его какъ можно жесточе и тѣмъ вызвать къ Нему отвращеніе въ народѣ.

Сначала распинаемыхъ растягивали обычно на крестъ въ лежащемъ положеніи на землѣ, раздѣвъ предварительно донага. Вбивали въ ладони рукъ и ногъ по огромному гвоздю, а затѣмъ уже кресты водружали въ стоячемъ положеніи, укрѣпляя ихъ концомъ въ заранѣе вырытой ямѣ. Иногда

ноги пробивались каждая отдѣльно, а иногда сразу обѣ—положенныя одна на одну. Иногда распятыхъ привязывали корпусомъ къ кресту, иногда же нѣтъ, но тогда подъ ноги придѣлывался небольшой выступъ, дабы тѣло могло на него нѣсколько опираться, ибо пробитыя руки не могли выдерживать долго тяжести тѣла и разрывались. Извѣстно, что Христосъ привязанъ не былъ. А надъ головою у него была прибита дощечка съ надписью на трехъ языкахъ: „Исусъ Назарянинъ Царь Іудейскій“.

Несмотря на всю мучительность распятія, распятые долго не умирали, что несомнѣнно въ тысячи разъ увеличивало жестокия страданія. Самый ужасъ (невыносимость страданій) не тотчасъ же наступалъ, а тогда только, когда крестъ становился стойкомъ и тѣло всею своею тяжестью повисало на разрывающихся постепенно ранахъ. Вообразите себѣ весь ужасъ адской боли—висѣть на пробитыхъ желѣзными гвоздями рукахъ и ногахъ въ теченіе долгихъ, мучительно долгихъ часовъ подъ палящими лучами солнца, совершенно нагимъ предъ многотысячной толпою мужчинъ и женщинъ. Чтобы представить себѣ ужасъ болевыхъ ощущеній, попробуйте только поднять свои собственныя руки на уровень плечъ и продержатъ ихъ въ теченіе только 5—7 минутъ протянутыми во всю длину, и вы увидите, что вы этого сдѣлать не въ силахъ отъ той боли, которая разовьется въ вашихъ плечахъ отъ тяжести собственныхъ, совершенно здоровыхъ рукъ. Послѣ этого вы ужъ поймете, какія невыразимыя боли испытывали несчастные—распятые...

Смерть посредствомъ распятія дѣйствительно заключала въ себѣ все, что только могъ придумать дьяволъ самаго мучительнаго и нестерпимаго, притомъ переносимаго почти въ полномъ сознаніи: головокруженіе, судороги, жажду, голодъ, лихорадку, умоизступленіе, всенародный позоръ, длительность мученій, воспаленіе ранъ и ужасъ ожиданія смерти. И все это усиливалось настолько, насколько могло быть выдержано, не давая возможности страдальцу впасть въ безсознательность, что несомнѣнно облегчило бы страданія. Неестественное положеніе дѣлало всякое движеніе невыразимо болѣзненнымъ, воспаленныя вены и разорванныя жилы подергивались съ непрестанною болью; зіяющія раны все болѣе и болѣе заражались антоновымъ огнемъ; артеріи, въ особенности въ головѣ и желудкѣ, крайне надувались и напрягались отъ переполненія кровью, и ко всѣмъ этимъ постепенно усиливавшимся страданіямъ прибавлялась нестерпимая мука жгучей отчаянной жажды. Сочетаніе всѣхъ этихъ страданій причиняло такую внутреннюю тоску, которая самой смерти, этому страшному таинственному врагу, при одномъ приближеніи котораго обыкновенно содрогается человѣкъ, придавала видъ желанной и сладостной избавительницы. Отъ невыносимыхъ жестокихъ страданій—страдальцы приходили въ такое отчаянное неистовство, что начинали проклинать все и вся: отца и мать за то, что они ихъ породили, себя, людей, землю и небо, даже самого Бога. Наконецъ, въ смертельномъ отчаяніи, со слезами на глазахъ умоляли

І. Христосъ передъ крестомъ.

присутствующихъ враговъ своихъ предать ихъ поскорѣе смерти, чтобы сократить жестокия страданія. Отсюда много бывало примѣровъ, что осужденныхъ сначала душили или почти убивали, а потомъ уже распинали. Были также примѣры, когда осужденные большими подарками добивались этого ужаснаго, но благодѣтельнаго преимущества. Но бывали также и въ ту жестокую пору признаки состраданія у людей къ такимъ осужденнымъ. Римляне свою сострадательность проявляли тѣмъ, что наносили распятому ударъ подъ мышку, который хотя и не причинялъ смерти, но зато значительно ее ускорялъ (надо согласиться, и это все-таки состраданіе). Иудеи, основываясь на тогдашнемъ толкованіи гл. XXXI ст. 6—7 Притчей, давали казненному немедленно по распятіи глотокъ вина, приправленнаго сильнымъ усыпляющимъ средствомъ. Это одуряющее питье обыкновенно готовляли богатые женщины Иерусалима на свои средства и давали его всѣмъ казненнымъ независимо отъ симпатій. Первый способъ ко Христу не былъ примѣненъ, а отъ послѣдняго, отвѣдавъ, Онъ самъ отказался (Лук. XV—23). Очевидно, Онъ хотѣлъ смотрѣть всему ужасу распятія и смерти прямо въ глаза.

Изъ Евангелія мы видимъ, что, распинаемый, Онъ еще молился за мучителей, презирая весь ужасъ своего положенія: „Отче, говорилъ Онъ, прости имъ, ибо они не знаютъ, что творятъ!“ (Лук. XXIII, 34). И воистину—они не знали, что дѣлали. Они не сознавали окончательно, что они дѣлали дѣло дьявола—искони убійцы, какъ не знаютъ этого люди и теперь, мучая и распиная другъ друга по самымъ пустымъ причинамъ. Но много ли найдется способныхъ сказать такъ же, какъ сказалъ тогда Христосъ: Господи, прости имъ, они не сознаютъ что дѣлаютъ?

Вотъ такова-то была смерть, на какую былъ присужденъ Христосъ не въ чемъ неповинный, о которомъ пророкъ говоритъ, что Онъ „трости надломленной не сломитъ и льна курящагося не угаситъ“. И вотъ Онъ-то „былъ къ злодѣямъ причтенъ“ по словамъ пророчества, ибо Онъ былъ распятъ посреди двухъ злодѣевъ-разбойниковъ.

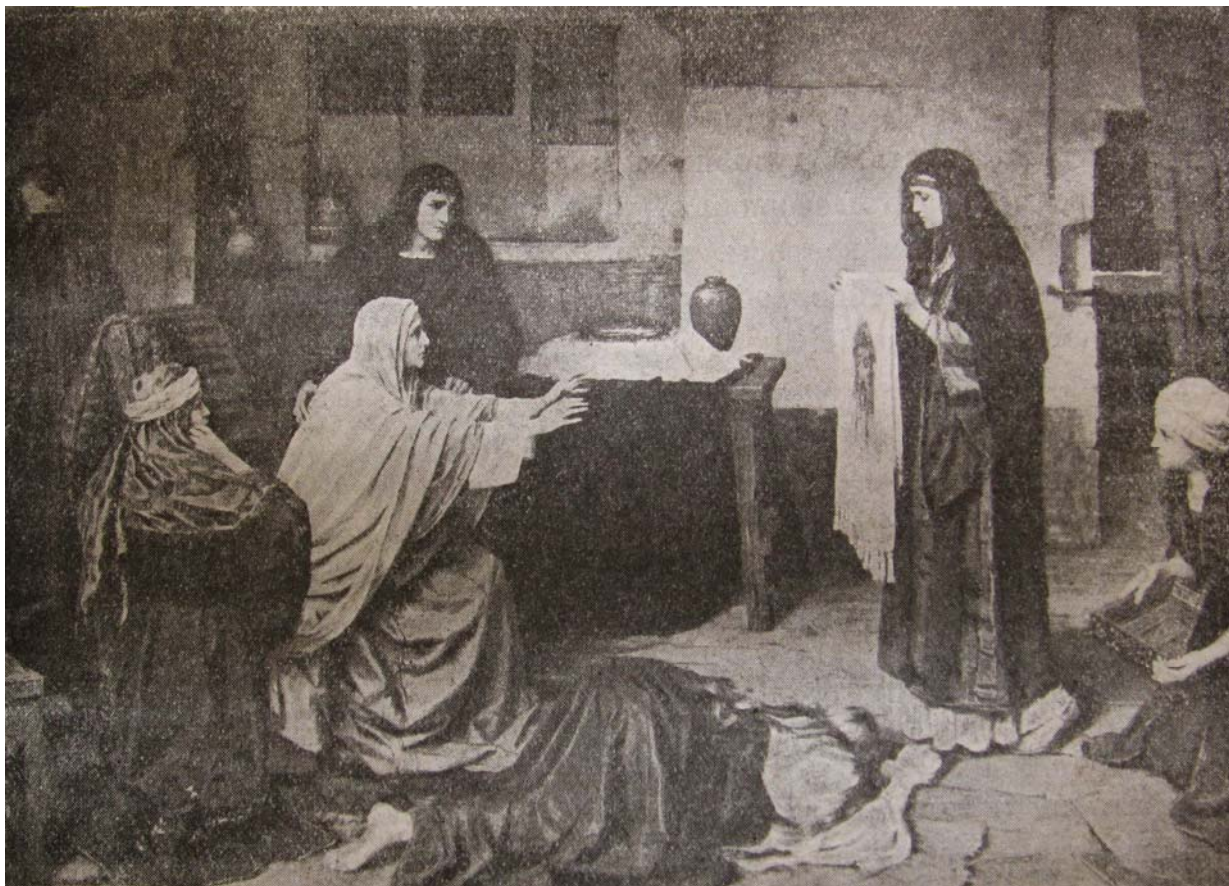
Правда, для Христа, измученнаго раньше, эта мучительная смерть наступила значительно раньше, но и Онъ томился на крестѣ съ полудня почти до захода солнца.

Не только народъ, но даже распятые разбойники, вѣроятно—товарищи прощеннаго Вараввы, преемники мятежныхъ неистовствъ Иуды Гавлонита, привыкшіе признавать одного только мессію—мессію меча и разбоя, съ ругательствами обращались ко Христу,—что если Онъ дѣйствительно мессія, то пусть спасетъ Себя и ихъ. Такимъ образомъ вокругъ Распятаго были только голоса богохульства и злобы. Низость, лживость, звѣрство, изступленіе,—вотъ съ чѣмъ нагло выступало человѣчество въ минуты послѣдняго угасанія земной жизни своего Спасителя, вотъ какой грязный потокъ человѣческаго нечестія бушевалъ передъ крестомъ—передъ меркнувшимъ взоромъ Христа.

А воины тутъ же, на глазахъ умирающаго, дѣлили одежды Его, бросая жребій.

Какая ужасная картина человѣческой мерзости...

Пока разбойники богохульствовали и издѣвались, часто впадая въ отчаяніе, слезы и мольбы о смерти, Христось молча переносилъ страданія, но это безмолвіе вмѣстѣ съ терпѣливымъ величіемъ, свѣтлымъ ореоломъ осѣнявшими лицо Его, были краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Это-то и обратило одного изъ разбойниковъ, заставивъ его покаяться, это поражало и народъ...

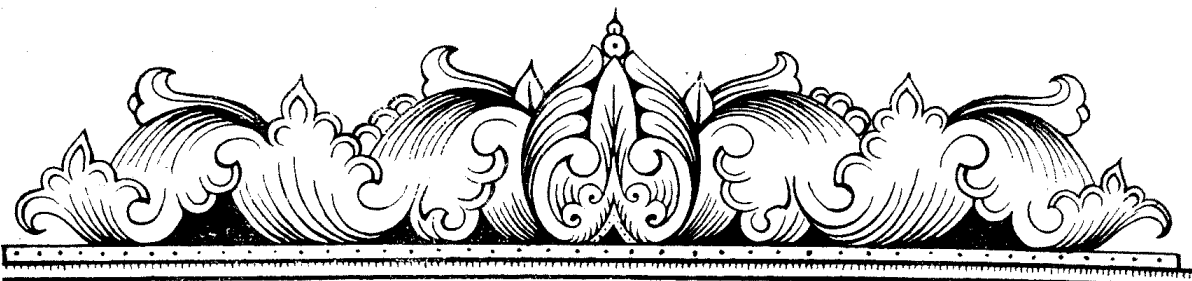

Въ Страстную субботу.

Но къ концу страданій и Его страданія достигли высшихъ предѣловъ, и Онъ, до дна выпивъ чашу униженія и горечи, претерпѣвъ не только лишеніе принятаго имъ на себя зрака рабія, но и послѣднее поруганіе, какое только человѣческая злоба можетъ причинить безпомощному рабу, произнесъ таинственное воззваніе, полнаго значенія [котораго никогда не постигнуть человѣку:

— „Или, Или! Лама савахвани?“, т.-е. Боже мой, Боже мой! для чего Ты меня оставилъ?..

Христось висѣлъ на древѣ уже почти шесть часовъ. Его мучила жажда, самое мучительное состояніе на крестѣ, и потому Онъ воскликнулъ: „Жажду!“ Будь это сказано нѣсколькими часами раньше, оно вызвало бы

только насмѣшки, но теперь, когда наступившая внезапно среди бѣла дня тьма произвела на всѣхъ удручающее впечатлѣніе, страхъ, обружающіе стали человѣчиѣ и Ему подали губку, обмакнутую въ напитокъ, который пили солдаты.

Послѣ сего пришелъ и конецъ земной жизни Христа:

„Отче, въ руки Твои предаю Духъ мой“, громко сказалъ Онъ и закончилъ: „Совершилось!“ Глава упала на грудь, и жизнь прекратилась. Святая, непорочная жизнь...

Н. Зенинъ.

Впервые опубликовано: [Старообрядческая мысль. 1914. № 4. С. 333–346](#). Статья выходила в номере, приуроченном к Пасхе, представляет собой пересказ евангельских событий.

... отправить Христа к Ироду Антипе, четверовластнику Галилеи
... Ирод Антипа – правитель Галилеи и Перее с 4 года до н.э. по 39 год н.э., сын царя Ирода Великого, по завещанию которого Иудея после его смерти была разделена между тремя его сыновьями: Архелаем, Филиппом и Антипой. Архелай должен был наследовать царский титул, на который претендовал и Антипа. Римский император Август, который утверждал назначение, предоставил Архелаю половину царства, обещав возвести его в царский сан, как скоро он покажет себя этого достойным. По свидетельству историка Иосифа Флавия, вторую половину он разделил на две части, которые предоставил двум другим сыновьям Ирода. Антипа получил титул тетраха. Тетрархия – форма правительства с четырьмя равноправными властителями (четверовластие). Единственный из евангелистов, кто упоминает о встрече Ирода Антипы с Христом – Лука. Когда Христос был арестован, Пилат, «узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме. Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нём, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо, и предлагал Ему многие вопросы, но Он ничего не отвечал ему. Первосвященники же и книжники стояли и обвиняли Его. Но Ирод со своими воинами, унижив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату» (Лк. 23: 6–12). Лука пишет, что это привело к улучшению прежде враждебных отношений между Пилатом и Иродом и дало Пилату возможность заявить: «... и Ирод также, ибо я посылал Его к нему; и ничего не найдено в Нём достойного смерти; итак, наказав Его, отпускаю».

... основываясь на тогдашнем толковании гл. XXXI ст. 6–7 притчей, давали казненному немедленно по распятии глоток вина ...
имеются в виду следующие слова из Книги Притчей Соломоновых: «Не царям, Лемуил, не царям пить вино, и не князьям - сикеру, чтобы, напившись, они не забыли закона и не превратили суда всех угнетаемых. Дайте сикеру погибающему и вино огорченному душею; пусть он выпьет и забудет бедность свою и не вспомнит больше о своем страдании» (Пр. 31: 4–7)..

... преемники мятежных неистовств Иуды Гавлонита ...
Гавлонит – уроженец провинции Гавлонитида, входившей в состав тетрархии сына Ирода Великого, Филиппа. Иуда Гавлонит (он же «Иуда Галилеянин») – организатор восстания против римлян. Первый прокуратор Иудеи Копоний по распоряжению начал перепись, чтобы установить размер дани, налагаемой на иудеев, что стало поводом для мятежа. Иуда Гавлонит и его приверженцы считали, что Израиль не должен признавать никакой земной власти и только Бог может царствовать над ним. Сторонников Иуды называли канаитами, по-гречески зелотами, то есть «ревнителями».

На фотографии племянник Зенина Н.Д. – Фирс Иоаннович с женой Марией Ивановной. Никифор был последним сыном, поэтому возраст ненамного отличался от возраста сына его старшего брата. Мария -- дочь известных в г. Бронницы старообрядцев Мнёвых.

Символичен рисунок открытки (обратной стороны фотографии). Сюжет соответствует теме публикуемой статьи. На нём изображён фотоаппарат рядом с мольбертом [Зенин Н.Д. считал фотографию ИСКУССТВОМ.](#) Но вместо кистей на мольберте копьё – оружие римских воинов, пытавших Христа, и губка, посредством которой «поили» его уксусом. Фон – пальмовые листья, которые бросали под ноги Иисусу, когда он входил в Иерусалим. Внизу вербные веточки, русский аналог пальмовых листьев, и свиток древних писаний. Наверное, Зенин Н.Д. хотел сказать, что искусство поможет победить зло и постичь истину. Рисунок на этюднике, вероятно, из детских воспоминаний Никифора – в яблоневом саду дом отца Дмитрия Ивановича, «пред величием духа которого всегда преклонялся» младший сын.

Случайно сохранились воспоминания. В 60-е годы прошлого столетия молодой зять приехал к теще в д. Ёлкино и собрался идти с этюдником рисовать пейзажи. Тогда теща сказала ему: «Ну, ты как Зенин ! Он тоже ходил с фотоаппаратом». Чисто старообрядческая д. Ёлкино расположена почти вплотную с полустарообрядческой д. Хорлово, В этих местах жили два друга и соратника Никифора Дмитриевича: известные начётчики Зеленков В.Т. и Литвинов В.К.

Публикуемая фотография восстановлена. На сохранившемся подлиннике явно заметно, что её нижняя часть с именем Зенина Н.Д. отрезана. Вероятно, многодетная семья Фирса Иоанновича была обеспокоена преследованием Никифора Дмитриевича жандармерией.

Будем очень признательны за любую информацию
о жизни и деятельности Н.Д.Зенина.
Даже незначительные факты представляют большую
ценность.

